

В. Е. Науменко*

«ПУТЕШЕСТВИЯ В ЧЕРКЕСИЮ» ЭДМОНДА СПЕНСЕРА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АДЫГОВ

В статье рассмотрены этнографические сведения, относящиеся к состоянию хозяйства, жилища, пищи, одежды, вооружения адыгов XIX в., содержащиеся в книге Э. Спенсера и ставшие уникальным источником по истории материальной культуры адыгских народов.

Ключевые слова: Э. Спенсер, адыги, материальная культура, Северный Кавказ, путешествие, источник.

Сегодняшнее внимание Запада к проблемам Кавказа не является сиюминутным увлечением. Стойкий интерес, проявляемый к народам, населяющим этот регион, имеет давнюю традицию. Особое внимание кавказские проблемы привлекают страны, которые рассматривают эти территории в качестве зоны своих жизненных интересов. К их числу относится Великобритания – давняя соперница России на Кавказе. Главной задачей внешней политики этой страны на Кавказе в XIX в. была «построить барьер против дальнейшего проникновения державы (т. е. России. – В. Н.), которая грозит стать ужасным конкурентом...» [18, с. 7].

Этим объясняется пристальное внимание эmissаров британского правительства к изучению данных территорий, особенно в XIX в. По мнению современных исследователей, «стремление Туманного Альбиона к политической гегемонии и новым экономическим приобретениям являлось стимулом для подданных английской короны посещать незнакомые страны, разведывать новые территории... “Путешествия” могли служить целям внешней политики и дипломатии. Часто опубликование воспоминаний или впечатлений о поездке являлось лишь поводом выразить свое отношение к тому или иному политическому вопросу» [9, с. 83].

Образцом такого внимания к исследуемому объекту стали путевые записки Эдмонда Спенсера, которые отличает исключительная тщательность в описании всего, что попало в поле

* НАУМЕНКО Владимир Емельянович, кандидат исторических наук, профессор, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Заслуженный деятель науки Республики Ингушетии, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: naumenko@rambler.ru.

зрения автора. Заинтересованный читатель найдет, по словам автора, «в книге описание всякого объекта, достойного внимания на этом пути» [18, с. 5]. И тем более внимательное чтение этого труда выдает крайнюю заинтересованность автора в решении стратегической задачи Англии «получить плацдарм на Черном море и распространить нашу (т. е. английскую. – В. Н.) торговлю на соседние страны; акт, который бы немедленно, с политической и коммерческой точек зрения, продвинул интересы этого достойного народа и нашей страны в то же время» [18, с. 135].

По большому счету, «Путешествия...» содержат сведения, которые условно можно разделить на две группы – исторические (связанные с Кавказской войной, историей заселения Северного Кавказа казаками) и антрополого-этнографические, показывающие социальную дифференциацию адыгского общества, хозяйство, поселения и жилище, семейный быт, пищу, одежду, музыкальные инструменты, религиозный синкретизм, народную медицину, антропометрические характеристики [14, с. 5].

Относительно исторических сведений следует отметить, что работа Э. Спенсера активно используется в трудах историков Кавказской войны [3] [4] [6]. С точки зрения антрополого-этнографического подхода труд Спенсера широко цитируется этнологами, изучающими семейный быт, хозяйство, одежду, народную медицину, религию, танцевальную культуру, музыкальные инструменты адыгов [2] [7] [10] [11] [12] [17]. Вместе с тем, работа Спенсера не получила должной комплексной оценки как многовекторный источник по истории, этнографии, географии и т.п. Северокавказского региона. Эта работа еще предстоит. И в качестве одного из шагов в этом направлении представляется важным и интересным изучение материальной культуры адыгских народов, обильно представленных в труде данного автора.

С нашей точки зрения, наиболее удачное определение материальной культуры дано в работе Р. Ф. Итса – «материальная культура – объекты (предметы, вещи), материально существующие в пространстве в определенные временные периоды, как-то: орудия труда, жилище и хозяйственные постройки, пища (сюда же входят культурные растения и домашние животные), одежда и украшения, средства транспорта и связи» [5, с. 55].

Следуя этому определению, а также структуре источника (Спенсером выбран жанр писем – травелога, под которым подразумевается сочинение о реальном путешествии, оформленное

в виде рассказов, дневников, писем) нами предпринята попытка сгруппировать сведения представленные автором «Путешествий...», содержащиеся во втором томе в письмах с 14 по 30 и касающиеся материальной культуре адыгов в первой половине XIX в.

Принято считать, что Спенсер посетил Северо-Западный Кавказ в 1830 г., «в период резкого обострения русско-турецких противоречий в регионе после заключения Адрианопольского мира в 1829 г.». Это, по мнению Н. А. Нефляшевой, следует «из самого повествования» [14, с. 4]. Однако данную точку зрения под сомнение ставят исследователи В. Б. Виноградов и Ю. Ю. Клычников, которые на основе анализа текста «Путешествий...» пришли к выводу о том, что Спенсер посетил Черкесию в 1836 г. [1, с. 70]. Такое разночтение вносит путаницу в данный вопрос и нуждается в дальнейшем уточнении. Точка зрения В. Б. Виноградова и Ю. Ю. Клычкова нам более предпочтительна, что подтверждает и название произведения Э. Спенсера [19].

Вместе с тем на предмет нашего исследования (материальной культуры адыгов) такое разночтение о дате пребывания Спенсера имеет весьма опосредованное значение. Изменения в различных элементах, составляющих материальную культуру, в основном, происходят очень медленно и разница в несколько лет, вряд ли, сделает результаты наблюдений в этой сфере значительно разнящимися.

Специального описания орудий труда в записках Спенсера не содержится, за исключением отдельных фрагментов использования в хозяйственных целях топора [18, с. 26]. Но представление о многообразии орудий труда может дать описание тех видов хозяйственной деятельности, которыми занимались адыги.

Для трудовых занятий женщин характерно использование инструментов и приспособлений, связанных с рукоделием, прядением шерсти и льна, изготовления обуви, покрывал из верблюжьей и козьей шерсти, подушек для седел, попон для лошадей и футляров мечей и кинжалов.

Автор «Путешествий...» отмечает многообразие хозяйственных занятий мужской части населения. Контактируя в основном с представителями адыгской знати, он дает обстоятельную характеристику представителям этого сословия. Так, описывая достоинства, по выражению Спенсера «высокогорного князя», гостем которого он был, в качестве главной черты, характеризующей адыгского аристократа, он выделяет «чрезвычайное трудолюбие». Об этом свидетельствует перечень тех

хозяйственных занятий, которыми князь, наряду с выполнением многих других обязанностей, занимался. Это строительство «своими царственными руками» домов, выполняя работу плотника. Ему не чужд бы труд дубильщика, ткача, он умел ремонтировать пистолеты и мушкеты, изготавливал «неподражаемые луки и стрелы». Зимой изготавливал «ковры великой красоты», которые продавал в Турцию и Персию. Такое широкое распространение производственных навыков в адыгской среде описываемого времени не случайно. Автор отмечает отсутствие «в Черкесии...регулярной корпорации ремесленников и купцов» [18, с. 37]. Ремесленное производство в основном касалось оружейного производства и золотых дел мастеров, которые достигли высокого уровня в украшении оружия золотом, серебром и драгоценными камнями, покрытии инкрустацией перламутром мушкетов и маленьких столиков.

Нисколько не умаляя имевшийся трудовой опыт, накопленный адыгами задолго до активного многостороннего общения с русскими, следует отметить, что только один перечень видов трудовой деятельности свидетельствует об использовании разнообразных орудий труда и приспособлений, необходимых для производства товаров, которых не изготавливала русская фабрично-заводская промышленность.

Подтверждение этому мы находим у С. Броневского, который дает перечень многообразных видов орудий труда, используемых адыгами в сельском хозяйстве [15]. А Юлиус Клапрот не только описывает орудия труда адыгов, но и дает зарисовки разнообразных инструментов и приспособлений, используемых в их хозяйственной деятельности [16].

Автор «Путешествия...» уделяет пристальное внимание описанию черкесского жилища. Его удивлению нет предела при виде «маленьких домиков, словно подвешенных на склонах гор или теснящихся у реки», которые «были отнюдь не хуже в опрятности, чем у тирольских и шведских горцев» [18, с. 24]. Кроме такого лубочного описания своих впечатлений, автор приводит вполне реалистическое описание жилых построек. В основном это относится к описанию жилья адыгской знати.

Так, им детально представлено жилище («резиденция») Измаил Бея Атажукина, Пши-хана, узденя, главы второго класса. «...Теснящиеся жилища моего хозяина, о которых можно сказать, что они похожи на маленькую деревушку, были прекрасно расположены на возвышенности, спускающейся к берегу ручейка; и, окруженные дворами, разделены, с не меньшей

проницательностью, на сады, фруктовые сады, выгоны, луга и поля, оживленные здесь и там стадами овец и стадами коров, вместе представляющими очень привлекательную картину. Я не мог не восхититься разумному расположению зернохранилища, поддерживаемого короткими каменными опорами, каждая была прикреплена на несколько футов от земли широким круглым камнем..., выдолбленным в центре, посредством которого она эффективно сохраняла зерно не только от сырости, но и от наступлений каких-либо вредителей» [18, с. 26] .

Или другое описание княжеской резиденции, которая «была также примитивна по своей конструкции, как та, которую я уже описал, единственное различие заключалось в том, что здесь было немного более отдельных коттеджей, а два или три, в отличие от предыдущих, были намазаны снаружи специальной минеральной глиной, найденной в окрестностях, которая становится от воздействия погоды очень твердой, и это имело неплохой эффект. Что касается комфорта и удобств, не было видно никакой ни мебели, ни приспособлений: окна, открытые днем, просто запирались на ночь от холодной сырости плохо пригнанным ставнем; во время суровейших холодов пергамент заменял стекло» [18, с. 32].

Как мы видим, это было традиционное жилище адыгской знати с полным набором жилых и хозяйственных построек. Сюда, в горы, еще не проникли те нововведения, заимствования в возведении жилья, которые уже широко использовались в равнинных местах проживания адыгов. По свидетельству начальника Черноморской линии генерала Рашпиля, кавказским жителям, живущим в горах, трудно стать в уровень с теми адыгами, которые, находясь целые десятки лет в непрерывных сношениях с русскими, «пользовались всеми потребностями от них и значительно увеличили свою домашнюю жизнь» [4, с. 87].

Интересны описания внутреннего убранства дома. Каждый дом содержит две комнаты: одна, с большим очагом в центре, предназначена для кухни и домашних целей, отчасти похожа на такой же в старом английском доме на хуторе, имеющим крючок с длинной ручкой и вешалки, в то время как другая отвечает двойным целям гостиной и общей спальни. Разнообразное покрытие, различных цветов, покрывает пол, и диван окружает три стороны комнаты; только дополнительной мебелью являются несколько маленьких столов, около фута в высоту, и что-то, похожее на комод; если не включать седел, поводьев, попон и оружия, подвешенных напротив стен» [18, с. 27].

«...Украшением были полки, нагруженные стеклом, фарфором и сверкающей кулинарной утварью, сделанной из латуни, меди или глазурированной глиняной посуды, предназначенной более для показа, чем для пользования. Также было выставлено множество висящих на веревках через комнату различных предметов женского производства, таких, как вышитые салфетки, носовые платки, покрывала и дорогие платья, сверкающие золотом и серебром. В одном углу была куча матрасов, и в другом подушки и покрывала, покрытые ярким муслиновым стеганным одеялом различных цветов, но с наибольшей заботой уложенные, чтобы показать концы каждого, которые отделаны сатином, украшенным золотом и серебром узором в виде веточек; и справедливости ради – по отношению к прекрасным женщинам – надо сказать, что все содержалось значительно чисто и аккуратно.

В каждой части дома...маленькая веранда в прекрасную погоду особенно любима; это в общем обставлено циновкой и скамья похожа на диван. Здесь посетителя угощают; здесь импровизатор поет военные песни своего народа и рассказывает традиционные истории. Ее холодная тень предлагает приятное убежище от палящего солнца для проведения полуденного отдыха или для того, чтобы предаться удовольствию любимого чубука» [18, с. 28].

Тем не менее, путешественник, находясь в доме черкесского вождя, не имеет повода для жалоб. «Комната, предназначенная для чужестранцев, всегда снабжена диваном, подушками и покрывалами: всегда весело, и я не думаю, что любой другой народ когда-либо предоставлял чашу с освежающим напитком усталому путешественнику с большим желанием» [18, с. 32].

Внутреннее убранство адыгского жилья, кроме традиционного оформления, имело в значительной части заимствованные элементы, связанные в основном с турецкой бытовой культурой и импортом домашних предметов, в основном праздничной посуды.

Автор «Путешествия...», в силу специфики своей поездки, в основном контактировал с адыгской знатью. Это наложило определенный отпечаток на его представление о пище адыгов. Учитывая традиционное адыгское гостеприимство, еда, предлагаемая гостю, была из числа праздничных блюд. Автор отметил значительное влияние восточной кухни («наш обед проходил в турецком стиле»). Продукты, используемые в приготовлении пищи, были в основном местного производства и состояли

«из домашней птицы, баранины, молока, меда, фруктов, теста». Но широко использовались и импортные продукты – чай, кофе, разнообразные приправы. Основной предмет пищи – плов. Это блюдо, традиционное для восточной кухни.

Пища адыгов, как наиболее устойчивый элемент в материальной культуре, во времена Спенсера претерпела некоторые изменения. Она стала более разнообразной. Это было связано с активным развитием огородничества, разнообразием культивируемых сельскохозяйственных культур. Как справедливо отмечают современные исследователи, народы Северного Кавказа, в том числе адыги, имели уже свои национальные блюда и напитки. Судя по приведенным автором сведениям, кухня западных адыгов отличалась разнообразием. Особенно обильна и разнообразна была пища, предназначенная для приема гостей [4, с. 226].

В целом же пища основной массы крестьян была скудной. Спенсер приводит пример походного рациона обычного человека – это сумка проса и кожаная бутылка с кислым молоком «сху» [18, с. 70].

Одежда адыгов, проживавших в горах, если следовать описаниям Спенсера, еще не подверглась таким изменениям, как это произошло на равнине. В основном одежда, даже в семьях адыгской знати, изготавливалась на дому. Это было одним из основных занятий женщин, которые, наряду с шитьем одежды, изготавливали также и обувь. При этом одежда отличалась функциональностью.

Спенсер отмечает: «...даже если бы они были одеты в веревки, парусину, самое грубое сукно и даже в овечью шкуру, я был бы вынужден любоваться разумным видом их одеяний и превосходной способностью черкесов обнаруживать стройность фигуры, защищаться от погоды и соответствовать военному стилю; и, тем не менее, это было одеяние этого народа с незапамятных времен, – народа, на который мы привыкли смотреть как на варваров, но одежда, которого и система ведения боя сейчас принимаются, чтобы улучшить систему русской армии. Обычное платье черкесского воина всех классов – туника, похожая на военную польскую, без воротника, плотно прилегающая к телу и спускающаяся к колену, закрепленная посередине кожаным поясом, украшенным согласно богатству и фантазии владельца золотом и серебром, в который насажены пара пороховниц и кинжал: последний является самым внушительным оружием в открытом бою; во время атаки они держат его в левой руке и

от его ширины, длины, достигающей локтя, он служит щитом во всех отношениях. В добавление к этому, черкесы вооружены легким мушкетом, висящим через плечо, и саблей, висящей на шелковом шнуре в турецком стиле; прикрепленной к ремню является пороховница и маленькая металлическая коробка, содержащая кремль, сталь, смазочный материал (масло), нередко и маленький топорик.

Следовательно, черкес, верхом или пеший, во все времена полностью вооружен. Иногда он носит метательное копье, которое он использует с необычной ловкостью и эффектом, бросая его на большую дистанцию с прицелом, который никогда не ошибается. Последнее оружие также используется как опора для винтовки, имеющее желобок на вершине специально для этой цели.

Луки и стрелы сейчас используются только тогда, когда они хотят продолжить безмолвный бой с врагом или когда они не имеют достаточно пороха или огнестрельного оружия.

На другой стороне груди мундира находятся карманы для патронов, сделанные из сафьяновой кожи, обычно содержащие 24 дроби (шарика): эти не только завершают военный облик солдата, но в некоторых случаях защищают грудь и чрезмерно удобны: круглая шерстяная шапка с верхушкой такого же цвета, как карман для патронов, покрывает голову; и суконные штаны в восточном стиле завершают костюм. Только князьям и аристократии дано право одеваться в красное; и черкесы, подобно туземцам других восточных стран, бреют голову и никогда не показываются босыми. Маршируя или путешествуя, они всегда берут плащ, сделанный из шерсти верблюда или козла, с капюшоном, который полностью обертывает всего человека – это называется «чаока» – и ни один макинтош не был когда-либо столь непроницаем для дождя; сворачиваемая в толстые складки, она образует постель во время их лагерных стоянок и служит в течение дня защитой от палящих лучей солнца» [18, с. 22, 23]. Сравнение одежды адыгов с одеждой других народов Северного Кавказа, несмотря на некоторые локальные особенности, имеет много общих черт. Неслучайно именно в это время формировался общий мужской костюм у народов Северного Кавказа, состоящий из черкески, бурки, башлыка и папахи. В начале XIX в. сформировалась в общих чертах черкеска с нагрудными патронташами (газырями) для боевых зарядов [4, с. 224].

Женская одежда, подтверждение этому мы находим у Спенсера, выделялась более яркими национальными чертами и ло-

кальными особенностями, чем мужская. Вот как описывает автор «Путешествий...» свои впечатления от женского костюма: «Жены моего хозяина были одеты в специальные белые одежды, сделанные из верблюжьих или козлиных волос, которые закутывают всю фигуру. К этому надо добавить муслиновое покрывало; вы даже представить себе не можете, сколь живописен был эффект при наблюдении со стороны» [18, с. 27].

Или – «Мать моего юного спутника, возрастом, вероятно, между сорока и пятьюдесятью годами, была роскошно одета в голубую шелковую одежду, открытую спереди, охваченную серебряными застежками и поясом, украшенным серебром, разноцветные брюки были из очень красивой турецкой кисеи, и в красные домашние тапочки; на голове она носила легкое покрывало, частично устроенное как тюрбан и частично падающее грациозными фалдами над ее шеей и плечами, полностью скрывая ее волосы; к этому была наброшена широкая, тонкая кисейная вуаль, которая почти окутывала ее фигуру; ее платье, будучи заполнено обильным числом золотых безделушек, очевидно, чрезвычайно древних и в основном ручной работы, я думаю, венецианских умельцев.

Наряд ее дочерей был даже более прекрасным; но вместо тюрбана каждая носила тиару из красной сафьяновой кожи, украшенную обилием маленьких турецких и персидских золотых монет. В остальных деталях их платья были похожи, за исключением волос юных дам, которые вместо падающих на шею локонов, как у замужних женщин, были заплетены в толстую косу, завязанную на конце серебряной веревкой, которая спускалась ниже талии; ...Независимо от возраста они были упакованы в плотный кожаный корсет, носимый всеми черкесскими девочками, который, без сомнения, принципиальная причина их нездорового облика» [18, с. 34, 35].

Вместе с тем, несмотря на этнические особенности женского костюма заметны отдельные элементы заимствования у соседних народов, что привело в конечном итоге к созданию общих форм женского костюма [4, с. 225]. У представителей адыгской знати женская одежда в основном изготавливалась из импортных тканей, в отличие от обуви, изготавливавшейся из местного сырья.

Автор «Путешествий...» делает интересное наблюдение: «Оба пола страстно любят одеваться; и я уверяю вас, красивое лицо и привлекательный внешний облик также очень ценим среди этих народов, как и среди самых утонченных наций Европы» [18, с. 66].

В «Путешествиях...» содержатся скромные сведения о средствах транспорта и связи адыгов. Вместе с тем, они дают представления о развитии каботажного плавания вдоль восточного побережья Черного моря, а также достаточно подробные сведения о якорных стоянках, на которых базировались суда не только Турции и других стран, но плавсредства местного населения. Спенсер дает описание таких средств: «Суда черкесов были плоскодонными, легко построенными и узкими, каждое управлялось от 18 до 24 гребцами, и они, должно быть, были самыми опытными в этом упражнении, так как они двигали суда с большой скоростью. Недалеко от штурвала была разновидность палубы, на которой сидело 3 или 4 человека; нос лодки был украшен грубо вырезанной фигурой, представляющей, возможно, голову оленя, козла или барана: самое вероятное, последнее» [18, с. 17, 18]. Эти суда обеспечивали прибрежное сообщение между адыгскими племенами, перевозили грузы, осуществляли контроль над побережьем.

Что касается других средств транспорта, то их развитие напрямую связано с развитием путей сообщения. «В старом черкесском Закубанье, – отмечает В. П. Невская, – где не только каждое племя, но и каждый аул жил замкнутой изолированной жизнью, почти не было путей сообщения, соединявших разные части области» [13, с. 131]. И, все-таки, такие пути были, они существовали до прихода российских властей и создавались горцами, также генуэзцами, турками, крымскими татарами [8, с. 163]. Пути сообщения были двух типов: грунтовые, приспособленные для колесного транспорта и горные тропы, по которым можно было проехать верхом на лошади или только пройти пешком. Судя по описаниям Спенсера, он пользовался традиционными горскими тропами, перемещаясь верхом или пешком. «Тропинки, которыми пользуются сами горцы для сообщений, удобны только для конных или пеших» – отмечает Д. А. Милютин (цит. по: [8, с. 166]).

Другим средством связи являются сигнальные костры. «В случае крайней опасности, – отмечает Спенсер, – сигнальные костры, связанные друг с другом подобно телеграфу, зажигаются над горами, которые черкес, не успев увидеть, тут же хватается оружие, взбирается на лошадь, всегда оседланную и наготове стоящую у его двери, и галопом скачет к вождю» [18, с. 43]. Практически это весь арсенал средств транспорта и связи, которые нашли отражение в письмах Спенсера.

Спенсер отмечает огромное уважение в адыгской среде к врачам. Видимо не зря этот английский разведчик для своего прикрытия выбрал облик практикующего хакима. «В Черке-

сии медицинское знание воспринимается не только как результат образования, но дар небес и тот, кто их удостоен, святой человек, оскорбить которого было бы святотатством» [18, с. 9].

Это, тем не менее, позволило ему в рамках не очень богатой медицинской практики сделать ряд интересных наблюдений. «Вследствие их (адыгов. – В. Н.) здорового телосложения и сдержанной манеры жизни, кавказцы в общем достигают преклонных лет, их заболевания немногочисленны и неопасны. Это мы должны отнести, независимо от их простой пищи, к их постоянным упражнениям, чистому воздуху, свободе от тревоги и освобождению от тех занятий, которые вредны для здоровья» [18, с. 68]. В качестве местных лекарственных препаратов он выделяет различные настойки из местных трав. В качестве эффективного лекарственного препарата широко употреблялся мед, а также спирт, получаемый из зерна и который использовался исключительно в медицинских целях.

Итак, даже далеко не полный обзор материальной культуры адыгов первой половины XIX в., представленный Э. Спенсером, свидетельствует о значительных достижениях этого народа в хозяйственной жизни, что стало результатом мощных изменений в социально-экономической и культурной жизни народов Северного Кавказа. Эти достижения базировались на развитом социальном опыте самих народов, а также их контактах, взаимных культурных обменах с соседними народами. При этом следует иметь в виду, что внимание автора привлекли особенности материальной культуры адыгской знати; материальная культура адыгского крестьянства осталась за пределами его интересов, что, безусловно, обедняет информативную базу и не дает представление об адыгской материальной культуре в целом. И, тем не менее, труд Э. Спенсера является очень важной и еще не полностью исследованным источником изучения материальной культуры адыгов.

Использованная литература:

1. Виноградов В. Б., Клычников Ю. Ю. О времени пребывания Э. Спенсера на Кавказе и о проблеме «знамени независимости» // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 5: сб. науч. ст. / под ред. В. Б. Виноградова. Армавир: Армавир. полиграфпредприятие, 2000. С. 70-72.

2. Губжоков М. Н. Этнокультурные процессы на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в. (по архивным источникам антропологического характера) // Этюды по истории и культуре адыгов. Вып. 2: сб. ст. Майкоп: Меоты, 1999. С. 21-27.

3. Губжоков М. Н. Западные адыги в период Кавказской войны (этнокультурные аспекты): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.07. М., 2001.

4. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988.
5. Итс Р. Ф. Введение в этнографию: учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
6. Касабова Э. Э. Освещение Кавказской войны в английской прессе и мемуарных источниках 1830–1850-х гг. // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 3. С. 66-69.
7. Кешева З. М. Танцевальная и песенно-музыкальная культура кабардинцев во второй половине XX в.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Нальчик, 2004.
8. Ктиторов С. Н., Сидякина А. Г. Система дорожного сообщения и транспортные средства у горцев Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 18: сб. науч. ст. / под ред. С. Н. Ктиторова. Армавир: Дизайн-студия Б, 2013.
9. Кулакова Е. А. Сочинения британцев о путешествиях в Россию второй четверти XIX в. // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 79-93.
10. Меретуков М. А. Материальная культура адыгов // Культура и быт адыгов: этнографические исследования. Вып. 2: сб. ст. Майкоп, 1978. С. 3-117.
11. Меретуков М. А. Поселения адыгов // Сборник статей по этнографии Адыгеи / отв. ред. Л. И. Лавров. Майкоп, 1975. С. 37-57.
12. Меретуков М. А. Хозяйство адыгов (XIX – начало XX в.) // Культура и быт адыгов: этнографические исследования. Вып. 3: сб. ст. Майкоп адыгов. Майкоп, 1980. С. 3-91.
13. Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск: Кн. изд., 1956.
14. Нефляшева Н. А. Предисловие к русскому изданию // Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп. РИПО «Адыгея». 1994. С. 3-6.
15. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М.: Тип. С. Селивановского, 1823 (репринтное изд.: М., 1971).
16. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 гг. по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, Придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т. д. Нальчик: Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 (репринтное изд.: Нальчик, 2008).
17. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII – XX вв. М.: Наука, 1989.
18. Спенсер Эдмонд. Путешествия в Черкесию / предисл., перевод и коммент. Н. А. Нефляшевой. Майкоп: РИПО «Адыгея». 1994.
19. Spencer E. Travels in The Western Caucasus, Including a Tour Through Imeritia, Mingrelia, Turkey, Moldavia, Galicia, Silestia, And Moravia, in 1836. Vol. I, II. London: Henry Colburn, 1838.

“TRAVELS IN CIRCASSIA” BY EDMUND SPENSER AS A SOURCE FOR STUDYING THE MATERIAL CULTURE OF THE CIRCASSIANS

NAUMENKO Vladimir E. – Cand. Sci. (National History), Prof., Head, Department of Complex Problems for Cultural Research, Southern Branch Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia.

E-mail: naumenko@rambler.ru

The article describes the ethnographic information relating to the state of the economy, housing, food, clothing, armaments Adygs XIX century, contained in the book E. Spenser and become a unique source for the history of material culture Adyg people.

Keywords: E. Spenser, adygs, material culture, the Northern Caucasus, voyage, source.

References:

1. Vinogradov, V. B., Klychnikov, Yu. Yu., O vremeni prebyvaniya E. Spensera na Kavkaze i o probleme «znameni nezavisimosti» (Travel Time of E. Spencer in the Caucasus and the Problem of “the Banner of Independence”), *Voprosy Severokavkazskoy istorii*, vol. 5, Vinogradov, V. B., Ed., Armavir: Armavirskoye poligrafpredpriyatie, 2000. pp. 70-72.

2. Gubzhokov, M. N., Etnokul'turnye protsessy na Severo-Zapadnom Kavkaze v pervoy polovine XIX veka (po arkhivnym istochnikam antropologicheskogo kharaktera) (Ethno-Cultural Processes in the Northwest Caucasus in the First Half of the 19-th Century (on Archival Sources of Anthropological Nature)), in *Etyudy po istorii i kul'ture adygov*, vol. 2, Maykop: Meoty, 1999. pp. 21-27.

3. Gubzhokov, M. N., Zapadnye adygi v period Kavkazskoy voyny (etnokul'turnye aspekty) (Western Circassians during the Caucasian War (Ethno-Cultural Aspects)), Cand. Sci. Dissertation (National History), Moscow, 2001.

4. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.)* (The History of the North Caucasian Peoples (the End of the 18-th Century - 1917)), Narochnitskiy, A. L., Ed., Moscow: Nauka, 1988.

5. Its R. F. *Vvedenie v etnografiyu: uchebnoe posobie* (Introduction to Ethnography: a Tutorial), Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1991.

6. Kasabova, E. E., *Osveshchenie Kavkazskoy voyny v angliyskoy presse i memuarykh istochnikakh 1830-1850-kh godov* (Lighting of the Caucasian War in the British Press and Memoirs' Sources of the 1830-1850-ies), *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta, Filologiya i iskusstvovedenie*, no. 3, 2010, pp. 66-69.

7. Kesheva, Z. M., *Tantseval'naya i pesenno-muzykal'naya kul'tura kabardintsev vo vtoroy polovine XX veka* (Dance and Song-Music Culture of Kabardians in the Second Half of the Twentieth Century), Cand. Sci. Dissertation (National History), Nal'chik, 2004.

8. Ktitorov, S. N., Sidyakina, A. G., Sistema dorozhnogo soobshcheniya i transportnye sredstva u gortsev Severo-Zapadnogo Kavkaza (konets XVIII – pervaya polovina XIX veka) (System of the Road Connections and Road Vehicles of the Mountaineers of the Northwest Caucasus (the End of 18-th - the First Half of the 19-th centuries)), in Voprosy yuzhnorossiyskoy istorii, vol. 18, Ktitorov, S. N, Ed., Armavir: Dizayn-studiya B, 2013.

9. Kulakova, E. A., Sochineniya britantsev o puteshestviyakh v Rossiyu vtoroy chetverti XIX veka (The Works of Britons about the Travelers to Russia of the Second Quarter of the 19-th Century), Dialog so vremenem, 2012, no. 39, pp. 79-93.

10. Meretukov, M. A., Material'naya kul'tura adygov (The Material Culture of the Adygs) in Kul'tura i byt adygov: etnograficheskie issledovaniya, vol. 2, Maykop, 1978. pp. 3-117.

11. Meretukov, M. A., Poseleniya adygov (Settlements of the Adygs), in Sbornik statey po etnografii Adygei, Lavrov, L. I., Ed., Maykop, 1975, pp. 37-57.

12. Meretukov M. A. Khozyaystvo adygov (XIX – nachalo XX vekov) (Economy of the Adygs (19-th - the Beginning of the Twentieth Century)), in Kul'tura i byt adygov: etnograficheskie issledovaniya, vol. 3: Maykop adygov, Maykop, 1980, pp. 3-91.

13. Nevskaya, V. P., Prisoedinenie Cherkessii k Rossii i ego sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya (Cherkessia's Joining to Russia and its Socio-Economic Consequences), Cherkessk: Knizhnoye izdatel'stvo, 1956.

14. Neflyasheva, N. A., Predislovie k russkomu izdaniyu (Foreword to the Russian Edition), in Spenser, E., Puteshestviya v Cherkessiyu, Maykop: RIPO «Adygeya», 1994, pp. 3-6.

15. Noveyshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze, sobrannye i popolnennye Semenom Bronevskim (The Latest Geographical and Historical News of the Caucasus, Collected and Supplemented by Semen Bronevski), M.: Tipografia S. Selivanovskogo, 1823.

16. Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godakh po prikazaniyu russkogo pravitel'stva Yuliusom fon Klaprotom, Pridvornym sovetnikom Ego Velichestva imperatora Rossii, chlenom Akademii Sankt-Peterburga i t. d. (The Description of the Travels in the Caucasus and Georgia performed in the years 1807 and 1808 by command of the Russian Government by Julius von Klaproth, a Court Advisor to His Majesty the Emperor of Russia, Member of the Academy Sankt-Petersburg and so on.), Nal'chik: Respublikanskiy poligrafkombinat imeni Revolyutsii 1905, 2008.

17. Studenetskaya, E. N., Odezhda narodov Severnogo Kavkaza XVIII – XX vekov (The Clothing of Peoples of the North Caucasus in the 18-th – 20-th centuries), Moscow: Nauka, 1989.

18. Spenser, E., Puteshestviya v Cherkessiyu (Travel to Circassia), Neflyasheva, N. A., foreword, transl. to Russian, comments, Maykop: RIPO «Adygeya», 1994.

19. Spencer, E., *Travels in The Western Caucasus, Including a Tour Through Imeritia, Mingrelia, Turkey, Moldavia, Galicia, Silestia, And Moravia, in 1836*, 2 vols., London: Henry Colburn, 1838.

О. В. Матвеев*

РОССИЯ И ГОРЦЫ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ: БРИТАНСКИЙ ВЗГЛЯД

Статья посвящена характеристике основных сюжетов британского восприятия России и горцев в Кавказской войне. Автор приходит к выводу, что английский взгляд представляет собой мозаичную палитру, подверженную обстоятельствам места и времени, внутрискруктурным изменениям. Традиционное осуждение английскими авторами политики России в регионе сочеталась с попытками понять мотивы, которые привели империю на Кавказ.

Ключевые слова: Кавказская война, историография, империя, горцы, британское видение, английская разведка

Каждая цивилизация имеет свой набор устойчивых представлений об окружающем мире. Изучение исторических представлений и стереотипов чрезвычайно важно для воссоздания прошлого и восприятия настоящего той или иной страны. Мы удивляемся, почему Запад никак не может понять нашу, казалось бы, оправданную позицию по Кавказу, Крыму, Украине, часто сами не пытаюсь понять особенности традиционных взглядов западных политиков, историков и дипломатов. Пока ещё несистемно представлено в нашей стране такое научное направление как имагология (во французском языке) или «имэджинология» (в английском) [11] [16] [17] [21]. В статье предпринята попытка характеристики основных сюжетов британского восприятия России и горцев в Кавказской войне.

Для британских разведчиков и дипломатов изучение мотивов, методов и результатов утверждения России на Кавказе имело не столько сугубо познавательный характер, сколько практический. Их главная цель заключалась в снабжении Британской империи стратегической информацией о политике Петербурга в регионе. Это должно было помочь Великобритании проникнуть в планы её главного конкурента на Востоке, найти средства расстроить их и решить собственные задачи. Другая

* МАТВЕЕВ Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: vim12@rambler.ru.